

Глава 10. Гэ'эр не имеет права на наследство

Лицо Лю Тяньцзяо исказилось от ужаса. Спотыкаясь, он выбежал во двор, но и там не нашел ни души. Рванувшись к воротам, он распахнул их настежь и закричал в пустоту ночи:

— Батюшка! Батюшка, где ты?!

Из густой тени у глинобитной стены показался худощавый силуэт.

— В старом доме Лю, — глухо отозвался Вэй Вэнькан. — Поминальный зал устроили там же.

Тяньцзяо задохнулся от рыданий:

— Почему в старом доме? С какой стати батюшку увезли к ним?! Я заберу его, я верну его домой!

Вэнькан преградил ему путь, пытаясь удержать юношу:

— Пусть лучше всё останется там. Ты всего лишь одинокий гэ'эр, к чему тебе эти хлопоты и тяжесть на душе?

Цзяо Гэ'эр с яростью оттолкнул его:

— И что с того, что гэ'эр?! Я заберу отца обратно, я сам смогу о нем позаботиться!

«До чего же упрямый гэ'эр, сладу с ним нет»

Вэй Вэнькан нахмурился.

— Тебе нужно отдохнуть, не пытайся прыгнуть выше головы.

— Да что ты смыслишь! — вскричал юноша. — Те твари в старом доме и гроша ломаного не стоят, они хуже собак! Разве могут они затеять что-то доброе? Батюшка и в гробу не успокоится, если останется у них!

Не дожидаясь ответа, он с силой отпихнул собеседника и бросился прочь.

Тяньцзяо от природы был наделен недюжинной силой, а в порыве гнева и отчаяния и вовсе не выбирал средств. Вэй Вэнькан едва устоял на ногах; плечо отозвалось острой ноющей болью. Он хотел лишь помочь, а в ответ получил грубость. Не дай Лю Лаода наставление

приглядывать за сыном, разве стал бы он ввязываться в это?

Но слово благородного мужа весит больше тысячи цзиней. Раз пообещал — значит, нужно идти до конца. Растирая ушибленную руку, Вэнькан поспешил следом.

Старый дом семьи Лю был выстроен из самана много лет назад. Он выглядел куда дряхлее и невзрачнее жилища Лю Тяньцзяо, но за счет множества пристроек казался просторным.

Когда юноша ворвался во двор, он увидел, что поминальный зал уже готов. По обе стороны висели длинные белые полотна, в центре высился алтарь, уставленный подношениями и белыми свечами.

Тело Старшего Лю, накрытое белой тканью, покоилось в самом центре. Рядом на коленях сидели люди, сжигая ритуальную бумагу. Всё выглядело чинно и торжественно.

Его внезапное появление напугало присутствующих. Старуха Лю мгновенно переменялась в лице, её взгляд обдал внука холодом:

— Ты, несчастный, что погубил сначала мать, а теперь и отца! Зачем пришел? Неужели тебе мало того, что он погиб такой страшной смертью? Хочешь и после смерти не давать ему покоя?!

Он даже не взглянул на неё. Шагнув к телу, юноша рывком сбросил белое покрывало, намереваясь поднять похолодевшего Лю Лаода на руки.

— Я забираю батюшку домой. Он еще при жизни говорил, что в этот дом больше ни ногой.

Лю Лаоэр засуетился, преграждая путь. В голове Второго Лю лихорадочно крутились мысли о наследстве: у брата был крепкий дом из жженого кирпича, просторный и добротный. Он уже присмотрел его для своего первенца, которому скоро пора было жениться. Если устроить поминальный зал там, в новом доме, всё здание пропитается скверной и станет несчастливой — как тогда играть в нем свадьбу?

— Не дури! — закричал он. — Покойному нужен покой. Где поминальный зал поставили, там он и должен стоять! Негоже тревожить душу!

Цзяо Гэ'эр был сильнее любого из этих бездельников, привыкших отлынивать от работы в поле. Он просто снес дядю с пути и, подхватив отца, двинулся к выходу.

Вся семья Лю пришла в смятение. Родственники понимали: если позволить племяннику самому распоряжаться похоронами, им не видать ни дома, ни выгоды.

К счастью для них, Лю Лаояо был хитер и предусмотрителен. Младший Лю заранее пригласил в дом старосту и старейшину рода.

Деревня была большой, около сотни дворов. Тех, кто носил фамилию Лю, насчитывалось всего пять семей, и все они вели свой род от одного предка.

Старейшину звали Лю Дафа. Его зять служил в уездной управе, что давало старику некоторую опору. Из-за возраста и связей сородичи и выбрали его главой клана.

Лю Дафа понимал, что хоть он и старейшина, слово старосты в деревне весит больше. Поэтому он всегда действовал с оглядкой на него. Заметив, как на шее того вздулись вены от ярости, Лю Дафа громогласно приказал:

— Удержите его! Совсем распоясался! Гэ'эр, который даже не может считаться законным сыном-наследником, смеет чинить такой разброд!

Глаза Лю Тяньцзяо, всегда светившиеся добротой, теперь налились кровью.

— Прочь с дороги! Это мой отец, и я заберу его домой. Вас это не касается!

— Какая неслыханная дерзость! — взревел старейшина. — Раз отца не стало, любой из старших в этом доме вправе проучить тебя!

— Старших? — юноша горько усмехнулся. — Где были эти старшие, когда мы голодали? Почему они вспомнили о родстве, только когда мой батюшка разбогател? И теперь, когда в моем доме не осталось взрослых, эти «старшие» пришли грабить сироту?!

Глава деревни не выдержал. Он шагнул вперед и наотмашь ударил Тяньцзяо по лицу.

— Неизвестно, какие грехи совершил Лю Лаода в этой жизни, раз вырастил такое отродье, погубившее обоих родителей и не знающее почтения к старшим! Я, видя, что у него нет наследника мужского пола, уговорил твоих дядьев взять на себя расходы и тяготы похорон, а ты смеешь называть это угнетением?!

Староста привык к тяжелому крестьянскому труду, удар его был тяжел. Гэ'эр, державший на руках тело отца, не мог ни уклониться, ни закрыться. Его щека мгновенно вспухла, но он не отступил ни на шаг.

— Мне ничего от вас не нужно. Я сам разобью поминальный горшок по своему отцу!

Мужчина презрительно рассмеялся:

— Ты? Да кто ты такой?! Разбивать горшок полагается только мужчинам, опоре и продолжателям рода. А ты — пустое место!

Эти слова били не в бровь, а в глаз. Ритуал разбивания горшка означал вступление в права наследника. Ни в одной семье не позволили бы гэ'эру, который ценится меньше, чем обычная девица, наследовать семейное дело.

— Скажи спасибо, что наши старейшины люди добрые и отходчивые, — продолжал староста. — В других краях за такое поведение тебя бы уже в кандалах в управу отправили.

Лю Лаоэр поддакнул из-за спины:

— Верно говоришь! Цзяо Гэ'эр, ты же парень смысленный, не будь неблагодарным.

Юноша с детства знал, что гэ'эры стоят особняком. Они не так полезны в делах, как мужчины, не могут служить чиновниками и не так плодовиты, как женщины. О них часто ходили грязные слухи. В иных семьях при рождении гэ'эра и вовсе считали это дурным знаком: их топили или бросали в горах на съедение волкам.

Тяньцзяо тоже видел немало косых взглядов, но родители берегли его как жемчужину. В деревне даже не каждый парень купался в такой любви, как он. Юноша умел сам зарабатывать на жизнь, помогая отцу в мясной лавке, и никогда не считал свою долю гэ'эра проклятием.

Но в этот миг он всем сердцем возненавидел свою природу.

Надменный староста, самодовольный старейшина, Лю Лаоэр, скрывающий радость за скорбью, расчетливый Младший Лю и шепчущиеся за спиной односельчане — Тяньцзяо никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным.

— Что мне сделать, чтобы вы позволили мне забрать батюшку домой?

Отец не хотел иметь с этим домом ничего общего. Как он сможет обрести покой там, где его всегда обижали?

Лю Лаояо подал знак матери, и Старуха Лю тут же зашлась в истошном плаче:

— Неужто это не его родной дом?! Я рожала его три дня и три ночи, чуть богу душу не отдала! Я растила его, выхаживала, а теперь, когда он ушел, мне и взглянуть на него напоследок нельзя?!

Видя слезы старухи, деревенские кумушки запричитали в ответ:

— И то правда, в какой семье не бывает ссор? Неужто можно в один миг забыть о родительском долге?

— Да уж, Лю Лаода и сам был не подарок: как отделился, так и порог родительского дома переступать перестал.

— Верно подмечено! Каков отец, таков и сын — яблоко от яблони недалеко падает.

— Родители у него люди добрые, не обижали особо. Ну, выделили младшим братьям чуть больше при разделе, так ведь это в порядке вещей! Кто же не поможет тому, кто слабее? Сердце материнское — оно ведь за всех болит.

Цзяо Гэ'эр не выдержал:

— Делали из него вола, выжимали все деньги, что он кровью и потом зарабатывал, а при разделе и клочка земли пожалели! Это вы называете добротой?! Глаза ваши жиром заплыли, раз правды не видите!

Старуха Лю взвизгнула:

— Врешь! Все знают, что мой внук с малых лет в холе жил, мясо каждый день ел! А мы с его дедом в дырявой мазанке ютились! Кто же из нас был обделен?!

Толпа, до этого сомневавшаяся, снова приняла сторону старших. Действительно, Лю Лаода растил гэ'эра как молодого господина, откуда деньги? Разве могли родители его обидеть?

— К чему эти пустые разговоры? В свое время была подписана бумага о разрыве родства!

Крупный мужчина с суровым лицом вошел во двор. Это был Шао Цин, старый соратник Старшего Лю. За его спиной стояли рослые хмурые мужчины.

— Стоило мне на миг отлучиться к гробовщику, как вы всей оравой накинулись на сироту. Думаете, раз Лю Лаода нет, так и заступиться за него некому?

Лю Лаоэр тут же отпустил одежду племянника и забормотал, пятясь:

— О чем ты, Шао Цин? Мы же из добрых побуждений... Парень молодой, неразумный, вот мы и решили помочь с похоронами.

Один из пришедших с Шао Цином мужчин с силой вогнал дубинку в землю:

— Что ты там лопочешь? Побереги зубы, а то быстро вылетят!

Староста почувствовал, как к горлу подкатывает желчь. Это напомнило ему времена пятнадцатилетней давности, когда он только принял дела от отца и был слаб. Тогда эти служивые с их тесаками не раз помыкали им.

Но теперь он сидел на своем месте крепко. В уездной управе у него всё было схвачено, в деревне его каждый уважал. Неужели эти мужланы думают, что сейчас всё будет как раньше?

— С чем это вы пришли? С дубинами да ножами? Разбойничать вздумали?! На днях стражники передали: уездный начальник недоволен порядком в наших краях и намерен навести его железной рукой. Если сами лезете в петлю, не пеняйте потом на мою суровость.

Шао Цин и его товарищи промолчали, но их домочадцы, стоявшие позади, заметно вздрогнули от этих слов.

<http://bllate.org/book/15343/1372746>